

Вячеслав Нарзкий

*Из трудного детства —
к военному подвигу
и послевоенному почету*

*(записано со слов
Григория Исаевича Мерзона)*

Я родился 11 апреля 1922 года в городе Дорогобуже Смоленской области. У меня было очень тяжелое детство. Обстоятельства сложились так, что пришлось работать с двенадцати лет. Тогда и начался мой трудовой стаж, и шел до самого выхода на пенсию. Правда, трудовой книжки у меня не было: мальчишкам их не выдавали. Поэтому официальный трудовой стаж начал исчисляться с восемнадцати, когда я пошел служить в армию.

Дело в том, что мой отец в 1933 году был репрессирован и обвинен во вредительствах вместе с группой инженерно-технических работников. Он работал техноруком на лесозаводе в городе Тулуна Иркутской области. Это обстоятельство и стало причиной того, что в 1934 году я пошел работать. До этого отец был единственным кормильцем семьи, две мои сестры и я учились в школе, а мама была домохозяйкой.

Отца и всю группу арестованных судили и приговорили к самой строгой тогда мере наказания: десяти годам тюрьмы. В то время смертная казнь как высшая мера наказания была отменена. Ее опять ввели только в декабре 1934 года после убийства в Ленинграде С. М. Кирова.

Я хорошо помню, как пришли к нам домой арестовывать отца, как после суда на станции Тулун отправляли его и других осужденных в тюрьму в Иркутск в арестантских вагонах.

Потеряв кормильца семьи, мы с трудом возвратились в Москву. В Тулун, где отец находился в трехгодичной командировке, мы с матерью приехали только на летний период.

Жить стало не на что. Маму нигде не брали на работу, как жену «вредителя». Она с трудом устроилась уборщицей в пивной павильон. Тогда это были не такие заведения, как сейчас, — а грязные стоячие забегаловки, заплеванные, захарканные пьянчугами. Денег на жизнь нам все равно

не хватало. Чтобы как-то поддержать семью и дать сестрам возможность продолжать учиться, я в свободное от учебы время начал работать.

Перепробовал все: пилил и колол дрова соседям (у всех было печное отопление), носил воду от водоколонки за двести метров, расчищал тротуары от снега, сбрасывал снег с крыш домов, обновлял номерные знаки домов (когда-то я неплохо рисовал). Разгружал с ребятами по ночам вагоны с дровами на Рижском вокзале... В общем, не гнушался никакой работой.

Но огромная жажда знаний не позволяла мне бросить учиться. К счастью, я очень хорошо и легко учился. Правда, сказывалась безотцовщина: я рос хулиганистым парнем. С двенадцати лет начал курить, водил компанию с крестовской шпаной...

Жили мы за Крестовской заставой возле Рижского вокзала. Рядом располагался рынок — раздолье для крестовской шпаны, воров и мошенников. На заставе стояли две прекрасные кирпичные башни высотой по сорок метров. Их построили в екатерининские времена при прокладке самотечного водопровода от Мытищ до Москвы, во время эпидемии в Москве холеры, чтобы обеспечить город чистой питьевой водой... К сожалению, эти башни были взорваны, как и Сухаревская башня. Мы, мальчишки, были свидетелями этого события, и в четыре утра наблюдали, как уничтожаются эти исторические сооружения.

Я учился в Московской Краснознаменной 273-й школе на 1-й Мещанской улице (ныне это Проспект Мира). В 1937 году вступил в Комсомол, и как-то сами собой отошли от меня нехорошие компании. Но осталась привычка курить, а также страсть к голубям. Мы вместе с товарищем в сарае держали голубей. Хотя голубятники по тем временам считались отъявленной шпаной.

Отец просидел в тюрьме всего два года. Моя мама, очень грамотная и энергичная женщина, вооружившись необходимыми документами, добилась приема у Михаила Ивановича Калинина. Да, был в СССР человек, которого все звали «всесоюзный староста», — Председатель ВЦИК (Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета) М. И. Калинин. Мама и попала к нему на прием. И он дал указание о повторном рассмотрении дела «вредителей».

Помню, как во дворе появился глубокий старик с котомкой и вошел в наш двухподъездный двухэтажный барак. Только приглядевшись, я понял, что это отец. Он был старше мамы на двадцать два года, и на тот момент ему было пятьдесят шесть лет. А передо мной стоял дряхлый старик. Он уже не мог работать.

Также помню, как к нам домой пришли его освобожденные друзья — шесть человек, таких же несчастных, как и мой отец. Обстановки в ком-

нате не было: стоял только один стол и два стула. Кроватей тоже не было: мы спали на топчанах. Пришедшие гости посадили маму на стул посреди комнаты. Она сидела, положив красивые натруженные руки на колени, и каждый из них по очереди подходил, становился на колени и целовал ей руки в благодарность за спасение.

Так что детство у меня было тяжелое. Но ничего. Пережил. Выправился. Стал человеком.

В восьмом классе я стал комсоргом школы.

У нас был прекрасный директор — Лидия Васильевна Луцкова. Между нами сложились хорошие деловые отношения. Она, зная мое тяжелое материальное положение, стала рекомендовать родителям отстающих учеников младших классов меня в качестве репетитора по математике. Я хорошо знал этот предмет. Стал получать неплохие деньги. За час занятий мне платили десять рублей. Дома стало немного легче.

Я окончил школу с золотым аттестатом. Правда, за период пребывания в ней ко мне было много нареканий. До вступления в Комсомол меня за хулиганство трижды исключали из школы. Я мог посреди урока вскочить и демонстративно выпрыгнуть из окна первого этажа... В общем, был отъявленным хулиганом. Но Бог меня уберег. Я остался человеком. И очень благодарен моим товарищам-комсомольцам и преподавателям, которые помогли мне не опуститься. Я всех их помню.

Когда я был комсоргом, меня однажды пригласили выступить для обмена опытом комсомольской работы на радиостанцию имени Коминтерна. Была в то время такая Всесоюзная радиостанция — главная радиостанция Союза. На ней вели передачи великие дикторы: Левитан, Тиунова и др. Мне отвели на выступление десять минут. Вела передачу диктор Тиунова. Передача шла из Центральной студии радиовещания, которая располагалась рядом со зданием Центрального телеграфа на улице Горького.

Расскажу о поступлении в Высшее инженерно-техническое училище Военно-морского флота. Был дикий конкурс: подали заявление десять тысяч человек — на сто мест! Конкурс выдержали семьсот из них — а зачислили всего сто четыре... Всех с золотыми аттестатами.

Тогда было не так, как сейчас, когда надо сдавать два-три экзамена. У нас их было пятнадцать! После каждого экзамена все не сдавшие тут же получали предписание и проездные документы в Севастопольское военно-морское училище погранохраны.

Я же успешно выдержал конкурс и был зачислен на первый курс. Это было в 1940 году.

Как для меня началась война?

Я уже служил на флоте: был курсантом-второкурсником. 15 июня 1941 года во Дворце культуры имени С. М. Кирова познакомился с очаровательной девочкой, окончившей десятый класс, — Юлечкой Кукушкиной. Мы договорились о свидании в следующее воскресенье, 22 июня 1941 года. Но именно в этот день в двенадцать часов объявили о начале войны!

Все уволенные в течение часа вернулись на берег, в казарму. В этот же день все курсанты подали рапорты об отправке на фронт.

В 1940 году, после Финской войны, резко возросли требования к дисциплине и порядку в армии и на флоте. Вместо Ворошилова наркомом обороны стал Маршал Тимошенко.

Нам всем казалось, что война продлится недолго, что армия и флот быстро остановят врага и, разгромив его, двинутся на Берлин. Но потекли дни, недели, а положение на фронтах становилось все хуже. Мы отрезвели и поняли, что война будет долгой и кровавой.

Первоначально в просьбе об отправке на фронт всем нам отказали и приказали продолжать учебу. Однако позже, уже в конце июля, когда немцы заняли Таллинн — базу Балтийского флота, — и пришлось его с большими жертвами эвакуировать, командованием было принято решение о формировании из состава курсантов первых двух курсов десантных морских рот.

Я попал в состав 6-й отдельной морской десантной роты Приозерного района обороны города Ленинграда. Нашей роте был придан дивизион бронекатеров. Дислоцировалась рота в здании Высшего военно-морского училища имени Фрунзе, эвакуированного из Ленинграда. Так для меня началась война.

Мы были в распоряжении штаба Приозерного района обороны и участвовали в нескольких его операциях. Зоной наших действий служили Нева и Ладожское озеро. Подразделения нашей роты приняли участие в эвакуации штаба с места его дислокации, города Сортавала, в Ленинград. Город Сортавала — это бывшая территория Финляндии, которая отошла к нам после Финской войны.

После того как Нева встала и замерзло Ладожское озеро, а катера ушли на зимнюю спячку, нам поручили патрулировать город. Была блокада. Нечего греха таить — существовали и грабители, и мародерство, и бандитизм.

Ленинград жил без тепла, без воды, без электричества, канализации. А ведь жили на всех этажах. Причем в большом количестве это были люди пожилые, обессиленные от голода. Город подвергался круглосуточным обстрелам и бомбежкам. Выходили на улицы только те, кто могли, и только при крайней необходимости: на работу, за водой на Неву и каналы, за дровами. Был страшный голод. В городе не осталось ни животных, ни птиц. Ничего.

Как-то вечером в начале ноября (а в Ленинграде зимой темнеет рано) я и мой друг, Володя Ледантю, заступили на патрулирование. Нам выдали паек: по ломтику суррогатного хлеба с котлетой. Продовольственные пайки урезали до предела. Даже в войсках была установлена норма хлеба в сутки: пятьсот граммов на передовой и триста граммов тем, кто нес службу в кольце города.

Володя Ледантю — потомок французов, оставшихся в России после войны с Наполеоном. Его мать в блокаду находилась в Ленинграде. Он предложил ее навестить. Первое, что мы сделали — это отдали ей один из наших пайков. А она угостила нас киселем из столярного клея и «Капель датского короля» (было до войны такое лекарство от кашля, очень ароматное и сладкое). Вот после этого я вкуснее ничего не ел.

К сожалению, это ее не спасло: через два месяца Володя получил известие о смерти матери от голода.

После ее посещения мы продолжили патрулирование. Начался сильный артиллерийский обстрел, и мы укрылись от него в Невском пассаже. Только пробежали вестибюль, как услышали грохот разорвавшегося снаряда и женский крик. Бросились обратно в вестибюль и там, на белоснежной мраморной лестнице, увидели двух убитых женщин. У одной была осколком снаряда срезана нога, от другой были разбросаны куски тела. По лестнице лилась кровь. Я видел много убитых и раненых в войну. Но этот контраст белой мраморной лестницы и льющейся по ней алой крови мне не забыть никогда. И когда меня спрашивают о войне, я всегда вспоминаю этот эпизод. Он всегда стоит перед моими глазами.

К декабрю положение на фронте стабилизировалось. Вступивший в командование фронтом генерал армии Жуков железной рукой навел порядок. Стало ясно, что Ленинград не сдадут. В декабре курсантов училища отозвали с фронта, и был получен приказ о выводе личного состава на Большую землю по уже действующей «Дороге жизни» через Ладожское озеро.

Г. И. Мерзон с женой

Пешим порядком в 16 часов мы ступили на лед озера, и только в четыре часа утра добрались до берега, в деревню Кобону. Морозы стояли под «-40» градусов. Дорогу бомбили и обстреливали. Не избежали при переходе потерь. Погибли от истощения шесть человек, в том числе и мой товарищ Сережа Кавер, прошедший Финскую войну 1939 года и награжденный орденом Красной Звезды. Тогда это была очень высокая и редкая награда. Я тяжело пережил эту потерю, и, несмотря на прошедшее время, часто вспоминаю Сережу.

От Кобоны мы, в основном пешком, преодолели около ста пятидесяти километров пути до станции Заборье, где нас ожидал эшелон. Среди курсантов было много обмороженных. Эшелоном мы прибыли в Ярославль, где летом 1942 года я окончил второй курс училища и перешел на третий.

В Ярославле стоял флотский полуэкипаж, который и обеспечил нам бытовые условия пребывания.

Я был уже кандидатом в члены ВКП(б) (Всесоюзной коммунистической партии большевиков). Вступил не ради карьеры, а по убеждениям. Мне и некоторым моим товарищам предложили поехать в Москву на краткосрочные курсы контрразведки «Смерш» НКО (сокращение от «Смерть шпионам!», контрразведка Народного комиссариата обороны). Через три месяца, окончив их, я попал на Юго-Западный фронт, где воевал до осени 1943 года в оперативной группе по подготовке и обеспечению переправки через линию фронта разведчиков для работы в тылу врага.

В это время вышел приказ Сталина об отзыве с фронтов всех воинов с неоконченным высшим военным образованием и откомандировании их для продолжения учебы. Тогда по ходу войны уже было видно, что наступил коренной перелом. Я, находясь в это время под городом Чугуевым, был направлен для продолжения учебы в Москву, на третий курс Высшего военного инженерно-строительного училища Красной армии.

Вернулся в Москву в сентябре 1943 года. У подруги по школе я познакомился с вернувшейся из эвакуации девушкой. Она уговорила жениться на ней. Звали ее Лия Ефимовна Кришман (1923-2018).

После возвращения с фронта я совершил несколько, так сказать, неразумных поступков. Одним из них стало уничтожение моих картин.

Дело в том, что в юности я прилично рисовал маслом, акварелью. У меня дома хранились некоторые работы. И однажды в каком-то психическом затмении я сжег в печке все свои картины. Мать стояла на коленях передо мной и просила: «Гриня, не надо! Оставь хоть чего-нибудь!» Но я все сжег. Случайно осталась только одна акварельная зарисовка танцующей пары, которую я храню. Больше я в руки кисти не брал.

Другой послевоенной «странностью» стала моя ненависть к балету. Я просто не мог видеть холеных молодых людей, которые носят на руках женщин. Я ведь пришел из мира грязи, крови, из всех ужасов войны... Однако моя будущая жена упорно таскала меня на балет. Позже, когда я пришел в себя после войны, уже смог более благожелательно относиться к этому виду искусства.

Наконец, пришла Победа!

Сразу после войны 2 июня 1945 года я женился. В феврале 1946 года защитил диплом инженера-строителя с отличием, получил звание старшего лейтенанта и был направлен для прохождения службы на Сахалин, куда поехал вместе с женой.

Вся моя дальнейшая служба в армии была связана со строительством крупнейших оборонных объектов Союза. Сначала — первый ракетный полигон Капустин Яр, затем я стал первостроителем космодрома Байконур, полигона Сары-Шаган и ряда других строек.

В 1964 году, уже будучи начальником Военно-строительного управления, я тяжело заболел и был уволен из рядов Советской армии в отставку.

На гражданской службе я двадцать четыре года отработал в должности начальника отдела капитального строительства Главного управления основной химической промышленности Министерства химической промышленности СССР. Являюсь Почетным химиком СССР и лауреатом премии Совета Министров СССР.